

Глава 2. Британская Индия

Индия была первым и по существу единственным государством столь крупного масштаба (точнее даже, группой государств, объединенных спланировавшей их цивилизацией, религиозной традицией и общностью социально-кастовых принципов внутренней структуры), которое было превращено в колонию. Воспользовавшись характерной для Индии слабостью административно-политических связей, англичане сравнительно легко, без особых затрат и потерь, даже в основном руками самих индийцев, захватили власть и установили свое господство. Но коль скоро это было достигнуто (в 1849 г., после победы над сикхами в Пенджабе), перед завоевателями возникла новая проблема: как управлять гигантской колонией. Перед прежними завоевателями такой проблемы не было. Не мудрствуя лукаво, все они, вплоть до Великих Моголов, правили так, как это было определено веками и понятно всем. Но англичане представляли собой принципиально иную структуру, к тому же находившуюся на крутом подъеме и предъявлявшую все более решительные и далеко идущие требования для своего успешного развития. В некотором смысле проблема была сходна с той, которую решал Александр после завоевания им Ближнего Востока: как синтезировать свое и чужое, Запад и Восток. Но были и новые обстоятельства, принципиально отличавшиеся от древности. Дело в том, что присоединение Индии к Британии было не столько актом политическим, результатом войны либо серии войн, сколько следствием сложных экономических и социальных процессов во всем мире, суть которых сводилась к образованию мирового капиталистического рынка и к насильственному вовлечению в мировые рыночные связи колонизируемых стран.

Едва ли вначале, на первых порах, английские колонизаторы задумывались над упомянутой проблемой. Колонизация проводилась руками Ост-Индской компании, стремившейся прежде всего к активной торговле, к огромным прибылям, к высоким темпам обогащения. Но в ходе торговых операций и во имя все более гарантированного их обеспечения прибиралось к рукам чужое имущество, захватывались новые земли, велись успешные войны. Колониальная торговля все очевиднее перерастала свои первоначальные рамки, ее подстегивало то, что быстрорастущая английская капиталистическая промышленность на рубеже XVIII–XIX вв. уже остро нуждалась во все увеличивающихся рынках сбыта фабричных товаров. Индия была для этого идеальным местом приложения соответствующих усилий. Неудивительно, что в изменяющихся обстоятельствах индийские дела постепенно переставали быть прерогативой компании, или, во всяком случае, только компании. С конца XVIII в., особенно после процесса над У. Хейстингсом, первым генерал-губернатором Индии (1774–1785), деятельность компании во все возраставшем объеме начала контролироваться правительством и парламентом.

В 1813 г. была официально отменена монополия компании на торговлю с Индией, и за 15 лет после этого ввоз хлопковых фабричных тканей вырос в 4 раза. Парламентский акт 1833 г. еще более ограничил функции компании, оставив за ней в основном статус административной организации, практически управлявшей Индией, причем теперь уже

под очень строгим контролем лондонского Контрольного совета. Индия шаг за шагом все очевиднее становилась колонией Великобритании, превращалась в часть Британской империи, в жемчужину ее короны.

Но завершающая часть процесса колонизации оказалась наиболее трудным делом. Вмешательство администрации компании во внутренние дела страны и прежде всего в веками складывавшиеся аграрные отношения (английские администраторы явно не разобрались в реальных и весьма непростых взаимоотношениях владельческих и невладельческих слоев в Индии) привело к болезненным конфликтам в стране. Приток фабричных тканей и разорение многих из привыкших к престижному потреблению аристократов сказались на благосостоянии индийских ремесленников. Словом, трещала по всем швам веками функционировавшая привычная норма отношений, в стране все очевиднее проявлял себя болезненный кризис.

Огромная страна не желала мириться с этим. Росло недовольство новыми порядками, несшими угрозу привычному существованию практически всех. И хотя из-за слабости внутренних связей и господства многочисленных разделявших людей этнокастовых, языковых, политических и религиозных барьеров это недовольство не было слишком сильным, ни тем более достаточно организованным, оно все же быстро увеличивалось и превращалось в открытое сопротивление английским властям. Назревал взрыв.

Одной из важных непосредственных причин, спровоцировавших его, была аннексия генерал-губернатором Дальхузи в 1856 г. крупного княжества Ауд на севере страны. Дело в том, что наряду с землями, официально и непосредственно подчиненными администрации компании, в Индии существовало 500–600 больших и малых княжеств, статус и права которых были весьма разными. Каждое из княжеств особым договорным актом было связано с администрацией компании, но при этом количество их постепенно уменьшалось за счет ликвидации тех из них, где прерывалась линия прямого наследования либо наступало состояние кризиса. Ауд был присоединен к землям компании под предлогом “плохого управления”, что вызвало резкое недовольство сильно задетого этим решением местного мусульманского населения (талукдаров), а также привилегированных заминдаровраджпутов.

Центром военной мощи компании была бенгальская армия сипаев, на две трети набранная из раджпутов, брахманов и джатов Ауда. Сипаи из этих высоких каст особо болезненно ощущали свое приниженное положение в армии по сравнению со служившими рядом с ними англичанами. Брожение в их рядах постепенно возрастало в связи с тем, что после завоевания Индии компания, вопреки обещанному, не только снизила им жалованье, но и стала использовать в войнах вне Индии – в Афганистане, Бирме, даже в Китае. Последней каплей и непосредственным поводом к восстанию послужило введение в 1857 г. новых патронов, обмотка которых была смазана говяжьим либо свиным жиром (обкусывая ее, осквернялись как почитавшие священную корову индусы, так и не употреблявшие в пищу свинину мусульмане). Возмущенные наказанием тех, кто выступил против новых патронов, 10 мая 1857 г. в Мератхе близ Дели восстали три полка сипаев. К восставшим присоединились другие части и вскоре сипаи подошли к Дели и заняли город. Англичане частично были истреблены, частично в панике бежали, а сипаи провозгласили императором престарелого могольского правителя Бахадур-шаха II, доживавшего свои дни на пенсию компании.

Восстание длилось почти два года и в конечном счете было потоплено в крови англичанами, сумевшими опереться на помощь сикхов, гурков и на другие силы,

опасавшиеся возрождения империи Моголов. Справедливо оценив восстание как мощный народный взрыв недовольства не только правлением колонизаторов, но и грубой ломкой традиционных форм существования многих слоев индийского общества, английские колониальные власти вынуждены были всерьез задуматься над тем, как быть дальше. Вопрос был в том, какими методами и средствами добиться уничтожения традиционной структуры. Было ясно лишь одно: резкая насильственная ломка здесь неприемлема; ее следует заменить постепенной и тщательно продуманной трансформацией – с ориентацией, естественно, на европейскую модель. Собственно, к этому и свелась последующая политика англичан в Индии.

Начало трансформации традиционной структуры Спротивление трансформации Национальный конгресс и борьба за независимость Индии

Начало трансформации традиционной структуры

Еще не закончилось восстание сипаев, когда английский парламент в 1858 г. принял закон о ликвидации Ост-Индской компании. Индия стала составной частью Британской империи, а королева Виктория была провозглашена императрицей Индии. Управлять страной должен был генерал-губернатор, вскоре получивший официальный титул вице-короля. Деятельность его и всей администрации Британской Индии контролировалась и направлялась ответственным перед парламентом министерством по делам Индии. Вслед за тем последовал ряд важных реформ.

Военная реформа привела к расформированию сипайских полков и к существенному изменению состава вооруженных сил: число англичан в армии сильно увеличилось; большую роль в ней стали играть наемники из числа сикхов и гурков. В специальном обращении к индийским князьям, ее вассалам, королева Виктория пообещала уважать их традиционные права. В частности, было введено право передачи княжества по наследству приемным сыновьям (если линия прямого наследования прерывалась). Британская корона обязалась со вниманием отнестись к существованию в Индии традиционной кастовой системы. Были также приняты законы, препятствовавшие заминдарам и иным арендодателям произвольно повышать арендную плату. Многие постоянные арендаторы получили право отчуждать свои земли. Вся эта серия законов, актов и обязательств ставила своей целью уважать привычные нормы и тем избежать в дальнейшем кумуляции недовольства. Но все это отнюдь не означало отступления. Просто изменялась тактика действий. Это хорошо видно на примере другой серии реформ и нововведений.

Еще в 1835 г. генерал-губернатор Маколей провел реформу образования в Индии, смысл которой заключался в том, чтобы начать подготовку кадров колониальной администрации из самих индийцев, создать из них “прослойку, индийскую по крови и

цвету кожи, но английскую по вкусам, морали и складу ума”. Активно действуя в этом направлении, англичане открыли в Индии в 1857 г. первые три университета – Калькуттский, Бомбейский и Мадрасский. В дальнейшем число индийских университетов и колледжей с преподаванием на английском языке и по английским программам обучения все возрастало, не говоря уже о том, что многие из индийцев, особенно из числа зажиточной социальной верхушки, получали образование в самой Англии, в том числе в ее лучших университетах – Кембридже и Оксфорде. И пусть такое образование получала лишь ничтожная доля населения, в подавляющем большинстве остававшегося вовсе неграмотным, эта доля индийских интеллектуалов играла непропорционально значительную роль в политике и общественной жизни страны. И воспитание их по английской модели не могло при этом не оказывать своего воздействия.

В этом же направлении была задумана и постепенно реализовывалась административная политика англичан. Еще в 1861 г. парламент принял закон об организации законосовещательных Индийских советов при генерал-губернаторе и губернаторах провинций. Хотя члены этих советов назначались, а не избирались, законом оговаривалось, что половина их должна состоять из лиц, не занятых на службе и тем самым не зависящих от администрации. Была проведена и судебная реформа по английскому образцу. В продолжение этой же линии в 80-х годах были изданы законы о местном выборном самоуправлении. И хотя выборы были многоступенчатыми, а участвовать в них могли лишь очень немногие, едва ли более 1% населения страны, начало избирательной процедуре было положено. В 90-х годах муниципальные советы стали избирать некоторых своих членов в провинциальные законодательные советы при губернаторах, а также в Индийский законодательный совет при генерал-губернаторе.

Активное внедрение элементов европейской (британской) политической культуры и практики и европейского образования способствовало проникновению в Индию многих европейских идей и идеалов, знаний и опыта, привело к знакомству с европейскими науками, искусством, культурой, образом жизни. Это знакомство тоже по преимуществу ограничивалось узким кругом социальных верхов и индийских интеллектуалов, но все же оно было фактом, а становившееся нормой использование английского языка как официального и объединяющего представителей различных индийских народов способствовало распространению среди интеллектуальной элиты ориентации на европейские духовные ценности, как то и было задумано в свое время Маколеем и его единомышленниками. Книги, газеты, журналы и иные печатные издания, предназначенные для читателя во всей Индии, публиковались только на английском. Английский язык становился постепенно основным для всей образованной Индии.

Долгое время тон в этом движении задавала Бенгалия – район, ранее всего захваченный англичанами (резиденция генерал-губернатора до 1911 г., когда она была перенесена в Дели, находилась в Калькутте). Здесь английское влияние ранее всего достигло значительных размеров. Еще видный индийский просветитель Рам Мохан Рай (1772–1833) организовал лояльное по отношению к англичанам общество “Брахмо самадж”, построенное по европейскому образцу, с выборным правлением, и преследовавшее цель очистить индуизм от наиболее одиозных наслоений (обычай самосожжения вдов – “сати”; ранние браки; кастовая непримиримость и т. п.) и на его основе создать культ единого Бога, к поклонению которому могли бы слиться

представители всех религий, включая мусульман и христиан. После смерти Рая руководство обществом перешло в руки Д. Тагора и других бенгальских деятелей, немало способствовавших распространению просветительских идей. Позже влияние брахмоистов распространилось среди образованных слоев населения в Мадрасе и Бомбее, причем везде просветители активно сотрудничали с англичанами, которые под их влиянием издали законы против сати, в защиту гражданских браков и т. п.

Рост влияния англичан и европейской культуры на образованных индийцев протекал на общем фоне усиления в стране позиций колониального капитала и соответствующих изменений в ее экономике. Заметный уже в начале XIX в. и не прекращавшийся на протяжении последующих десятилетий быстрый рост английского промышленного экспорта в Индию способствовал резкому увеличению индийского экспорта в Англию и другие страны Европы. Из Индии вывозились хлопок, шерсть, джут, чай, кофе, опиум и особенно индиго и пряности. Для обеспечения быстрого увеличения количества вывозимого сырья англичане активно создавали плантационные хозяйства капиталистического типа. К традиционным статьям индийского экспорта прибавлялись все новые, включая и зерно, – при всем том, что время от времени Индию сотрясали страшные неурожаи, сопровождавшиеся голодной смертью миллионов.

Здесь важно заметить, что представления о разрушении индийской общины уже чуть ли не в середине XIX в. явно преувеличены. Несмотря на трансформацию сельского хозяйства, на введение новых культур и плантационной формы их выращивания, а также на изменения в формах собственности на землю и переход части ее в руки торговцев и ростовщиков (к слову это было обычным делом и в старой Индии), община держалась достаточно стойко и более или менее удачно приспосабливалась к необходимым и неизбежным переменам, пока они не затрагивали всерьез самого основного, т. е. принципов ее существования, привычных, веками складывающихся отношений. Британская администрация в общем это хорошо понимала и – особенно после восстания конца 50-х годов – всегда учитывала. И хотя ей не удавалось предотвратить массового голода и голодных смертей в годы неурожаев (это характерно для всех колониальных государств: в отличие от традиционных органов власти, которые в голодные годы освобождали крестьян от налогов и предоставляли им льготы, капиталистическая администрация в чужой стране была как бы свободна от такого рода благотворительного милосердия), в целом она стремилась защищать интересы крестьянина, так как существовала за счет его выплат: земельный налог и монополии на опиум и соль давали в середине XIX в. 85% дохода.

Но главные изменения в сфере экономики происходили все же не за счет возросшей торговли и увеличения товарности земледелия. Наиболее важное значение для трансформации хозяйства имело промышленное развитие Индии и стимулировавший его характерный для периода империализма вывоз капитала. Вначале он шел преимущественно в форме займов: британская администрация прибегала к помощи английских банкиров для активного строительства железных дорог, для создания добывающих и перерабатывающих первичное сырье предприятий, для ирригационного строительства. Наряду с государственными займами (их общая сумма за 1856–1900 гг. выросла с 4 до 133 млн. ф. ст.) увеличивался и приток частного капитала, использовавшегося преимущественно для развития хлопчатобумажной и джутовой промышленности, банковского и страхового дела, позже также и промышленного производства чая и каучука, кофе и сахара. В начале XX в. английские капиталы в

Индии (речь о частных инвестициях) достигали 6 – 7 млн. рупий. Характерно, что преобладали компании, зарегистрированные в Англии и лишь вкладывавшие часть своего капитала в Индию, тогда как доля индийских компаний, принадлежавших как англичанам, так и самим индийцам, была чуть ли не втрое меньше.

Строительство железных дорог и создание начальной промышленной инфраструктуры – сеть банков, предприятий связи, плантаций и т. п. – способствовали возникновению многочисленных национальных промышленных предприятий, включая ремесленное производство на предприятиях мануфактурного типа, что привело к возрождению ручного ткачества. В 90-х годах кустарями перерабатывалось в 2,5 раза больше хлопчатобумажной пряжи, чем на фабриках, а всего кустарно-ремесленными промыслами занимались, включая членов семей, около 45 млн. человек. Но главное было все-таки не в возрождении ремесла. Импорт британских и иных европейских машин, прежде всего прядильно-ткацких, создавал условия для появления в Индии капиталистических предприятий, фабрик и заводов, причем по меньшей мере треть акционерного капитала здесь в конце XIX в. уже принадлежала индийцам. Возникла национальная буржуазия. Отдельные ее представители становились в ряды крупных предпринимателей, основывали собственные фирмы. В 1911 г. в Бихаре Тата построил первый принадлежавший индийцу металлургический завод немалой мощности, а в 1915 г. была создана принадлежавшая его фирме гидроэлектростанция. В 1913 г. в Индии было 18 крупных индийских банков.

Появились и первые индийские рабочие: к концу XIX в. численность их составляла 700–800 тыс. Условия труда были очень тяжелыми, рабочий день продолжался 15–16 часов. И хотя принадлежность к различным народам и кастам мешала объединению рабочих, высокая степень концентрации их на ряде крупных предприятий способствовала активизации рабочего движения: в конце XIX в. количество рабочих выступлений, преимущественно в форме стихийных стачек, исчислялось десятками. Эти выступления привели к появлению фабричного законодательства: в 1891 г. было запрещено использовать на фабриках труд детей до 9 лет, длительность рабочего дня понемногу сокращалась (в начале XX в. до 12–14 часов).

Итак, активная торговля, вывоз английского банковского и промышленного капитала, формирование национального индийского капитала, появление национальной буржуазии и пролетариата, развитие сети железных дорог, добывающих промыслов и промышленных предприятий – все это не могло не деформировать привычную традиционную структуру земледелия и ремесла. Новые, базирующиеся на капиталистической основе интересы должны были взорвать изнутри отношения традиционные.

К этой перемене была внутренне готова и ориентированная на Англию и европейские ценности образованная часть населения, энергично выступавшая против устаревших пережитков и за реформу традиционных основ религиозной культуры. Выразителем интересов этой индийской интеллектуальной элиты стал созданный в 1885 г. с благословения англичан Национальный конгресс. Будучи одновременно и лояльным, и оппозиционным по отношению к английским властям, Индийский национальный конгресс (ИНК) стал своего рода знаменем борьбы за демократическую трансформацию традиционной Индии. Параллельно с ним в те же годы активно действовали и религиозные лидеры индуизма, стремившиеся сблизить древний индуизм Веданты с христианскими религиозными течениями и выступить, как это сделал

знаменитый Вивекананда, за сближение всех великих религий мира.

Светское (ИНК) и религиозное движения за обновление Индии явно способствовали усилиям англичан, направленным в сторону трансформации традиционной структуры. Могло показаться, что эти усилия вот-вот увенчаются заметными успехами. Между тем на деле все было далеко не так просто.

Сопrotивление трансформации

Традиционная “азиатская” структура Индии, вызвавшая к жизни феномен мощного народного восстания, равного которому история Индии до того не знала, отнюдь не перестала сопротивляться колониальной трансформации. Будучи вынужденной приспособляться к меняющимся обстоятельствам, она выработывала все новые и новые формы сопротивления чуждому ей колониальному капитализму со всеми свойственными ему западными идеями, идеалами, институтами и принципами жизни. В чем конкретно это проявлялось

Прежде всего во все возрастающем количестве крестьянских движений. Одни из них носили традиционный характер религиозно-сектантских выступлений, как движение “Намдхари” в Пенджабе во главе с Рамом Сингхом в 60 – 70-е годы. Другие, как восстание во главе с В. Пхадке в Махараштре в 1879 г., выступали за снижение налогового гнета и против засилья ростовщиков. Третьи, как восстание в Мадрасе в 1879–1880 гг., были направлены против всевластия откупщиков. Но во всех этих, как и во многих иных аналогичных крестьянских движениях четко видно Главное их социальное содержание: крестьяне выступали против нарушения привычной нормы существования, против злоупотреблений со стороны власть имущих, что было чревато заметным снижением уровня жизни. При этом весьма характерно, что все эти и аналогичные им движения прямо либо косвенно были антианглийскими и антиколониаторскими. Неудивительно, что они подавлялись английскими войсками.

Другим существенным проявлением сопротивления структуры было недовольство индийских верхов из числа привилегированной аристократии. Основная часть князей после обещаний английской короны сохранить их привилегии стала лояльной по отношению к колонизаторам. Но были и исключения. Например, в 1891 г. в Манипуре регент-правитель княжества выступил против англичан. И хотя это выступление было

подавлено, а управление княжеством передано в руки более покладистых аристократов, сам по себе факт знаменателен, особенно если сопоставить его с то и дело вспыхивавшими восстаниями различного рода племен, преимущественно в пограничных районах (движения племен возглавляли племенные вожди с весьма заметными антианглийскими настроениями).

Восстания недовольных низов и выступления фрондирующих аристократов отражали сопротивление старой структуры. Но эти выступления были ослаблены соответствующей политикой англичан, предвидевших возможность такого рода оппозиции (отнюдь не случайны реверансы короны в адрес князей, как и защита крестьян-арендаторов от произвола заминдаров и давления ростовщиков). Кроме того, XIX век проходил в основном под знаком сравнительно успешного внедрения европейских идей и норм существования. Ориентация на английскую культуру и науку, на европейские ценности пока еще совпадала с признанием собственной отсталости, со своего рода комплексом неполноценности, особенно остро ощущавшимся образованной частью индийцев. Однако именно среди этих последних в конце XIX в. появилась весьма влиятельная прослойка активных деятелей, склонных к переоценке ценностей и к отказу от упомянутого комплекса. Эта прослойка была весьма разной по характеру и направленности действий, но именно ее деятельность так или иначе отразила сопротивление традиционной структуры колониальной ломке.

Прежде всего это были религиозные учения. Общество “Арья самадж”, основанное Д. Сарасвати в Гуджарате в 1875 г., призывало вернуться к ведическим принципам жизни древних ариев. Не выступая прямо против англичан и даже пропагандируя некоторые весьма прогрессивные взгляды, направленные, скажем, против кастового неравенства, сторонники этой массовой организации вместе с тем делали явственный акцент на то, что только возврат к национально-религиозным традициям может оздоровить Индию и способствовать ее возрождению. Аналогичную позицию заняли и многие другие религиозно-реформаторские и просветительские движения, включая и мусульманские. Связь многих из них с нарождавшейся индийской буржуазией и с прогрессивной интеллигенцией несомненна. Но характерен сам освободительный пафос: не вперед за англичанами, а назад, к истокам! Этот новый акцент был естественным следствием стремления к усилению позиций индийцев в управлении страной и решении ее судеб. Но он же объективно был и проявлением сопротивления традиционной структуры колониализму.

Едва ли не наивысшим взлетом в оппозиционных англичанам движениях была активизация радикального национализма, связанная в конце XIX и начале XX в. с именем Б. Тилака (1856–1920). Именно Тилак начал открытую борьбу с господством колонизаторов. Апеллируя то к национальному герою маратхов Шиваджи, то к мифическому божеству Ганеше, Тилак стремился открыто противопоставить англичанам традиционные ценности Индии и черпать именно в них силу для борьбы с колонизаторами. Экстремизм Тилака снискал ему репутацию “левого” и “крайнего”, особенно по сравнению с умеренным либерализмом лидеров Национального конгресса, в котором он занял крайние националистические позиции. В конгрессе Тилак вел постоянную борьбу с умеренными, а в 1908 г. английский суд даже приговорил его к шести годам заключения за попытки “разжигания ненависти и неуважения к властям, недовольства против правительства”. Следует заметить, что рабочие Бомбея вступились за своего признанного вождя, проведя шестидневную забастовку – по дню

за каждый год заключения. Это была едва ли не первая политическая стачка такого масштаба в Индии. Однако в целом движение “крайних” во главе с Тилаком всенародного признания не получило. Между тем англичане вскоре сделали еще один шаг по пути привлечения индийцев к управлению Индией: по акту о законодательных советах, принятому парламентом в 1909 г., в провинциальных советах большинство становилось теперь выборным, а во Всеиндийском законодательном совете половина членов должна была быть избранной. Впрочем, параллельно с этим в 1910 г. был принят закон о печати, дававший право колониальной администрации закрывать, конфисковывать или штрафовать индийские издания, содержащие антиколониальные призывы.

Разумеется, было бы примитивным упрощением все антиколониальные силы, движения и выступления рассматривать только с позиций сопротивления традиционной структуре новому. Многие индийские политические деятели, особенно связанные с Национальным конгрессом, отнюдь не призывали к возрождению традиций, хотя и опирались на их поддержку. Они стремились к достижению независимости Индии, к ее самоуправлению. Именно в этом смысле были в начале XX в. выдвинуты и получили в Индии широкое распространение и признание лозунги свадеши (отечественное производство) и сварадж (собственное правление), а также связанный с недовольством политикой вице-короля Керзона призыв к бойкоту английских товаров. Однако за лозунгами самоуправления, за призывами к бойкоту отчетливо выдвинулась не только национальная, но и национально-религиозная традиция – традиция сопротивлявшаяся, реально поддерживавшаяся многими, в первую очередь крестьянами, которые активного участия в политической жизни обычно не принимали, но косвенно всегда на нее очень влияли.

Собственно, именно эта крестьянская масса, все еще жившая по законам старины традиционная индийская община, и была той самой структурой, которая не хотела быть сломленной и пусть пассивно, но стойко сопротивлялась колониализму и связанным с ним новшествам. Конечно, община не оставалась непробиваемой. Многие из числа беднейших ее членов вербовались в качестве кули на плантации в далеком Ассаме или еще где-либо. Другие уходили в города, создавая огромную армию резервной рабочей силы. Однако на смену ушедшим рождались новые (рост населения в Индии за последнее столетие, несмотря на миллионы вымиравших от голода, был всегда достаточно ощутим), а община в целом за их счет возрождалась и принимала традиционные формы. Опирались же крестьянская община, как и традиционная структура Индии в целом, на систему каст и все связанные с ней привычные нормы жизни. И наконец, нельзя сбрасывать со счетов законсервировавшиеся в своем прежнем статусе сотни индийских княжеств, где все было организовано по привычным нормам старины. Одним словом, традиционная структура с трудом подвергалась трансформации.

Если представить ситуацию более наглядно, то Индия разделилась как бы на две части. В городах шел более или менее активный процесс наращивания нового (капиталистического, по европейскому стандарту) качества, особенно в тех, что находились под прямым управлением короны; в княжествах этот же процесс шел значительно медленнее, а кое-где вообще почти не был ощутим. Что же касается деревни, то она была мало им затронута и обычно откупалась от него традиционным способом, т. е. налогами и выделением незначительной части крестьян для отработок

вне общины. Практически же вторая часть – деревенская община и многие небольшие города, особенно в княжествах, равно как и княжества в целом с их придворной жизнью и традиционно сохранявшимися отношениями, – заметно противостояла первой и часто была оплотом всех тех движений и течений, которые выступали против новшеств, против англичан, против колониализма и за возрождение национальных основ жизни, политической самостоятельности Индии. Волей-неволей, но и многие радикальные деятели Индии, отражавшие интересы городских слоев ее населения, национальной буржуазии или пролетариата, вынуждены были в своей антианглийской борьбе опираться именно на эту традиционную основу, ибо без нее они не имели бы массовой поддержки и были бы легко сброшены со счетов политической борьбы.

Стойкое и даже со всей очевидностью нараставшее сопротивление трансформируемой индийской традиционной структуры с ее общиной и кастовым строем, с ее пышными княжескими дворами и привилегиями реально ощущалось колониальными властями. И хотя они контролировали положение в стране в целом, серьезное беспокойство побуждало их искать выход. Этот выход был подсказан самой жизнью. Речь идет об индо-мусульманских различиях и противоречиях.

Со времен Великих Моголов противоречия как-то сглаживались. Индийцы привыкли к тому, что мусульманские правители управляют страной, что у них есть определенные социально-политические и социально-экономические привилегии. Однако после восстания сипаев, в котором наиболее заметное участие приняли именно недовольные потерей привилегий представители мусульманской верхушки, выяснилось, что англичане в своей администрации допустили явный перекос. Исправляя его, они стали уделять подчеркнутое внимание интересам индийских мусульман. В 1906 г. при активной поддержке властей в стране была создана Мусульманская лига, призванная сплотить мусульман. Было также введено голосование по куриям, одной из которых была мусульманская, что ставило своей целью разделить образованную часть населения, выборщиков, по религиозному принципу. И хотя на первых порах, в том числе накануне и в годы первой мировой войны, Национальный конгресс и Мусульманская лига нередко действовали совместно, особенно в борьбе за независимость страны, зерна национально-религиозной розни были уже посеяны. Мало того, они вскоре начали давать свои первые зловещие всходы.

Национальный конгресс и борьба за независимость Индии

Революционные события в России в 1917 г. были с энтузиазмом восприняты индийскими революционерами. Некоторые из них посещали Советскую Россию, встречались с Лениным. В начале 20-х годов в Индии возникли профсоюзы, была создана коммунистическая партия Индии. Следует, однако, сразу же заметить, что революционная струя в индийском национально-освободительном движении не была ни основной, ни даже имевшей значительное влияние на массы. Это и неудивительно. Общинно-кастовая деревня и даже быстрыми темпами трансформировавшийся индийский город не воспринимали идеи, призывавшие к восстанию, тем более к насильственному свержению существующего строя. Идеи ненасилия были традиционно гораздо ближе индийцу, чем призывы к радикальным действиям, ибо религиозная концепция кармы веками направляла социальную активность индивида в русло его личного самоусовершенствования, но никак не на баррикады. Однако существенно обратить внимание на то, что значительная часть индийских революционеров отличалась склонностью к мессианской идее с присущими ей радикализмом и нетерпимостью, что сыграло свою роль в появлении на арене политической жизни страны таких явлений, как, казалось бы, противный традиционному индуизму терроризм. Разумеется, радикалы не имели массовой поддержки. Иное дело – действовавший медленно, но неуклонно стремившийся к поставленной цели и, главное, умело учитывавший реалии традиционной общиннокастовой Индии Национальный конгресс.

В послевоенный период к руководству Конгрессом пришел ставший его признанным лидером М.К. Ганди, чья доктрина, в основе которой лежала идея сатьяграхи, т. е. ненасильственного неповиновения и сопротивления, стала теперь официальной идеологией организации (“гандизм”). Здесь следует заметить, что усиление деятельности и влияния Конгресса в годы войны побудило англичан сделать еще один шаг по пути предоставления Индии ограниченного самоуправления. Принятый в 1919 г. парламентом закон усилил значение выборных Законодательных собраний при вице-короле и губернаторах провинций и предоставил индийцам право занимать второстепенные министерские посты в системе колониальной администрации. Правда, одновременно с этим был принят закон Роулетта, направленный против “антиправительственной деятельности”. Ганди был одним из наиболее резких и непримиримых противников этого закона и по его призыву в 1919 г. по Индии прокатилась волна протестов в форме харталов (закрытия лавок, т. е. прекращения деловой активности). В том же 1919 году в Амритсаре колониальные власти, следуя букве нового закона, хладнокровно расстреляли митинг протеста (было убито около тысячи участников, еще две тысячи ранено). Амритсарская бойня вызвала мощную кампанию протеста в стране. На волне этого протеста Ганди решил провести свою первую всеиндийскую акцию гражданского неповиновения, сводившуюся к массовому бойкоту всего английского – товаров, учебных заведений, судов, администрации, выборов и т. п. Проходившая в форме митингов, харталов, демонстраций кампания сыграла важную роль в формировании и сплочении общеиндийского национального движения, что содействовало превращению Конгресса в массовую организацию, насчитывавшую миллионы сторонников и многие десятки тысяч активистов-волонтеров. В начале 1922 г. кампания была приостановлена, ибо некоторые кровавые эксцессы

показали, что движение выходит из-под контроля Конгресса с его принципом ненасильственных действий. Наступил довольно длительный период реакции.

На протяжении 20-х годов при явном поощрении колониальных властей оживилась деятельность Мусульманской лиги. В качестве противостоявшей ей религиозной организации правоверных индуистов получила довольно широкое признание Хинду махасабха, на съезде сторонников которой в 1925 г. предлагалось даже чуть ли не насильно обратить в индуизм всех индийских мусульман. Религиозный раскол, грозивший превратиться в конфликт, вызвал озабоченность руководителей Конгресса. Стала вновь пересматриваться программа его деятельности. Немалого влияния в Конгрессе добились соперничавшие с Ганди “свараджисты”, которые во главе с М. Неру выступали против массовых кампаний неповиновения, считая главным завоевать места в Законодательных собраниях и влиять на колониальную администрацию при помощи официальных законодательных процедур.

В 1928 г. Мотилал Неру представил Конгрессу проект будущей конституции Индии, предусматривавший предоставление ей статуса доминиона. Отказ англичан принять во внимание этот проект послужил поводом для начала второй кампании гражданского неповиновения, протекавшей на сей раз в условиях острого мирового экономического кризиса и связанного с ним роста недовольства масс, подъема массовых движений. В январе 1930 г. Конгресс провел в стране подготовку к назначенному на 26-е число Дню независимости Индии, а в марте Ганди опубликовал “11 пунктов”, содержащих требования к английским властям об освобождении политических заключенных и создании более благоприятных условий для развития национальной экономики. Отказ вице-короля и был формальным поводом для начала новой кампании, в ходе которой Ганди лично возглавил поход своих сторонников к берегу Аравийского моря с целью начать там выпаривать соль и тем демонстративно нарушить монополию властей по добыче соли. В мае Ганди и его сторонники были арестованы, но вслед за этим по всей стране начались массовые выступления, в том числе и восстания крестьян и пограничных племен. Англичане вступили в переговоры с лидерами Конгресса, в результате чего было достигнуто соглашение о прекращении кампании при условии отказа властей от репрессий и амнистии участникам движения, кроме тех, кто был замешан в насильственных действиях.

В сентябре 1931 г. в Лондоне лидеры Конгресса на конференции “круглого стола” решительно потребовали самоуправления и статуса доминиона для Индии. Неудача переговоров была использована Ганди как повод для новой кампании гражданского неповиновения, на сей раз в форме гражданского несотрудничества преимущественно индивидуального характера. В 1932 г. Ганди выступил за предоставление гражданских прав и представительства индийским “неприкасаемым” (он начал именовать их хариджанами, “божьими людьми”). Тем временем внутри самого Конгресса усилились позиции левого крыла, возглавлявшегося молодыми его лидерами – С.Ч. Босом и Д. Неру. В 1936 г. Джавахарлал Неру был избран президентом Конгресса. Именно он наиболее резко выступил против предложенной англичанами Индии в 1935 г. конституции, которая была тем не менее еще одним существенным шагом на пути к конечной цели. Проведенные на ее основе выборы принесли в начале 1937 г. победу Конгрессу: в 8 из 11 провинций страны кабинеты министров были теперь сформированы конгрессистами. Конгресс развернул огромную политическую работу и во всех княжествах, где создавались союзы, партии, проводились харталы. Немалую

активность стала проявлять и Мусульманская лига, представители которой сформировали кабинеты в трех провинциях и имели ощутимое влияние в ряде княжеств.

В октябре 1939 г., вскоре после начала второй мировой войны, Конгресс пообещал свое сотрудничество с Англией при условии создания в Индии ответственного национального правительства и конституционного устройства страны по решению Учредительного собрания. Метрополия устами вице-короля в январе 1940 г. предложила Индии после войны статус доминиона при сохранении ответственности Англии за оборону Индии на протяжении 30 лет. Конгресс не принял этого предложения, но и не настаивал на жесткой оппозиции. Положение его в самой Индии осложнилось, во-первых, тем, что Мусульманская лига в 1940 г. официально предложила разделить Индию на два государства, индусское и мусульманское (Пакистан), и, во-вторых, потому, что в результате внутренней борьбы лидер левых конгрессистов С.Ч. Бос спровоцировал раскол Конгресса, а затем выступил с резко антианглийских позиций, создав в Бирме прояпонскую "индийскую национальную армию", воевавшую с английскими войсками. Тем не менее в конце 1940 г. Ганди объявил очередную кампанию гражданского неповиновения – снова в форме индивидуальных протестов и несотрудничества.

В 1942 г. Англия в лице ее министра С. Криппса дала свое согласие на созыв после войны Учредительного собрания, но оговорила при этом право отдельных провинций и княжеств на создание самостоятельных доминионов империи, что было явным намеком на согласие с предложением Мусульманской лиги о расколе Индии. Конгресс не принял этих предложений и решительно потребовал немедленного предоставления Индии независимости. В августе 1942 г. была начата массовая кампания несотрудничества, итогом которой был арест Ганди и других лидеров Конгресса, которые были освобождены лишь в мае 1944 г. На переговорах вице-короля с лидерами Конгресса и Мусульманской лиги в Симле летом 1945 г. англичане согласились создать ответственный перед короной и парламентом в Лондоне Всеиндийский исполнительный совет (кабинет министров), но при условии формирования этого совета не по политическому, а по религиозному принципу. Это было отвергнуто обеими партиями. А вслед за тем в стране начались массовые антианглийские выступления, затронувшие армию и флот; частично они были связаны с судом над руководителями прояпонской "индийской национальной армии", которая в Бенгалии пользовалась влиянием и широкой поддержкой населения.

Выступления и общая ситуация в стране вели к тому, что весной 1946 г. лейбористский кабинет К. Эттли объявил о предоставлении Индии статуса доминиона и выборах с разделением избирателей на две курии, индусскую и мусульманскую. На выборах каждая из крупных партий выдвигала своих кандидатов в обеих куриях, но в основном мусульмане побеждали в мусульманской, индусы – в индусской. Всего в провинциальных законодательных собраниях Конгресс получил 930 мест. Мусульманская лига – 497. В августе 1946 г. Д. Неру сформировал по поручению вице-короля Исполнительный совет, в который представители Лиги отказались войти. По их призыву в стране начались индо-мусульманские столкновения. Одновременно в разных частях страны вспыхнули массовые народные движения, в том числе и в княжествах, например В.Хайдарабаде. Дни колонизаторов были сочтены. Оставался лишь вопрос, что будет с Индией, когда они уйдут. Летом 1947 г. англичанами был

предложен план Маунтбеттена, суть которого сводилась к разделу Индии на два доминиона. Конгресс и Лига согласились с ним, и осенью 1947 г. он стал законом, принятым парламентом. Время Британской Индии кончилось. На смену ей пришли независимые Индия и Пакистан.

Нет никаких сомнений в том, что успеху в борьбе за независимость способствовали многие факторы. Это и очевидные экономические сдвиги в стране, включая выход на авансцену хозяйственной и политической жизни национальной буржуазии; это и подъем национального самосознания, основными носителями которого были образованные слои населения, прежде всего индийская интеллигенция, студенческая молодежь; это и становившееся все более затруднительным положение колонизаторов, которые в изменяющихся условиях не могли более рассчитывать на сохранение своего политического господства, державшегося на авторитете силы. Безусловно, важную роль сыграли и международные политические обстоятельства в период второй мировой войны и первые послевоенные годы. Но заслуживает внимания в свете всего сказанного и стратегическая линия лидеров Конгресса во главе с Ганди: в условиях традиционной структуры расчлененной на разные народы, государства и касты великой страны с ее весьма необычной цивилизацией и системой этических, социальных и духовных ценностей именно конгрессисты, в частности гандисты, сумели выработать наиболее адекватный реалиям курс на ненасильственное сопротивление. Насилия же, сопровождавшиеся время от времени бурными политическими схватками, экстремистскими акциями, прямыми восстаниями и иными проявлениями, как бы оттеняли ненасильственное сопротивление и придавали ему даже некий внутренне зловещий для колонизаторов смысл (нельзя доводить до крайностей!). Возглавленное конгрессистами и Ганди движение все время набирало силу и в конечном счете поставило колонизаторов, делавших ему уступку за уступкой, перед дилеммой: либо дать Индии независимость и сохранить с ней веками налаженные связи, либо рисковать быть выброшенными за ее пределы в результате мощного взрыва.

Конечно, англичане всячески стремились оттянуть момент возможного взрыва и даже погасить его, направить энергию страны и народа в иное русло – прежде всего в национально-религиозные конфликты. Но и этот шаг сулил не столько политический успех, сколько взрыв огромной силы, к тому же сопровождаемый выходящими из-под контроля страстями. Словом, в Индии в первые послевоенные годы создавалась для англичан критическая ситуация. И иного выхода, кроме предоставления независимости великой стране, у них не было. Политический накал был настолько сильный, что расчленение страны на две части оказалось чуть ли не оптимальным решением, при всем том, что реализация этого на практике стоила жизни миллионам людей. В заключение можно упомянуть и о том, что вторая мировая война привела к крушению колониализма в ряде стран, особенно в Юго-Восточной Азии, и это обстоятельство также не могло не оказать своего воздействия на общий ход событий.